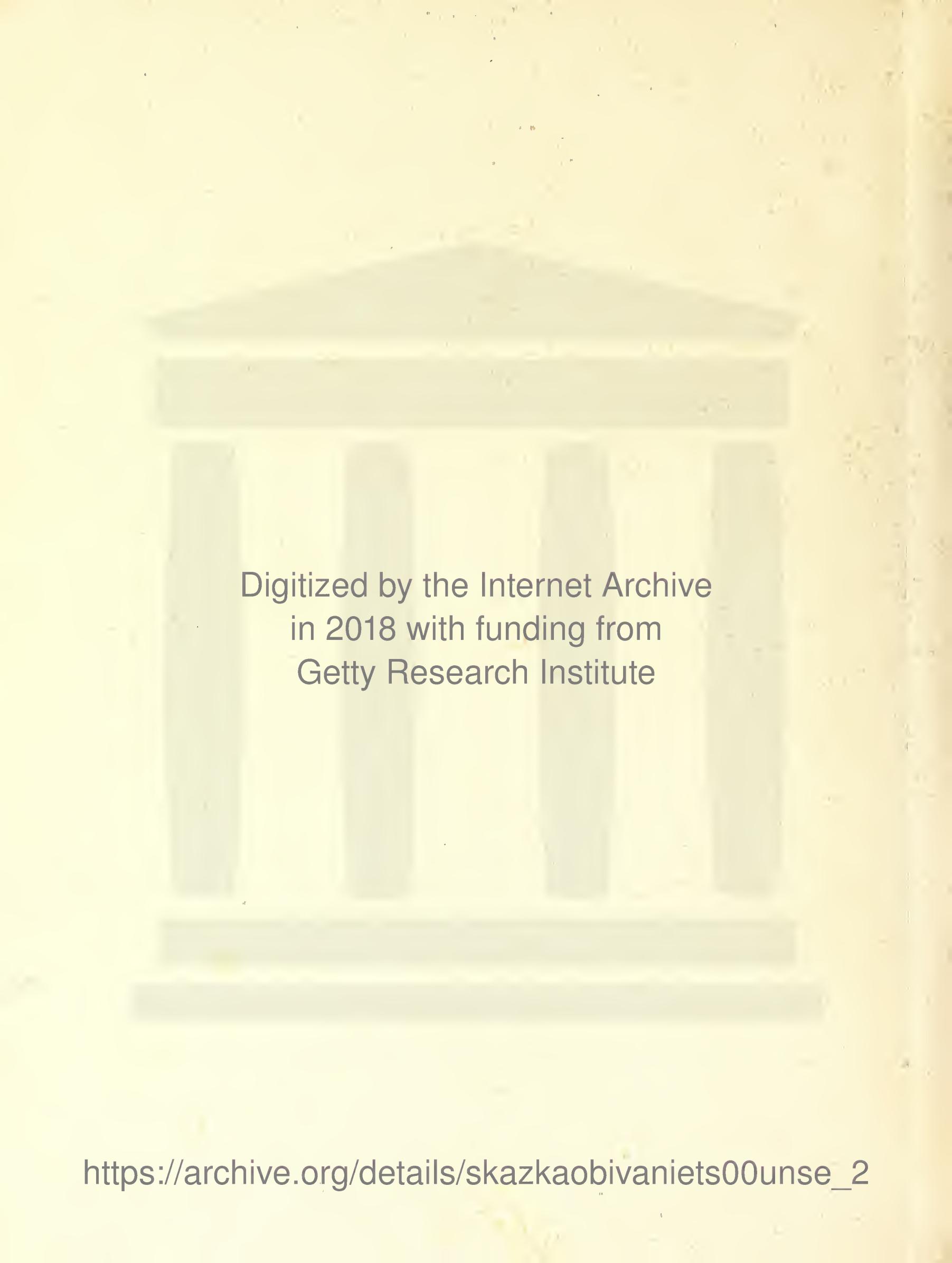

СКАЗКИ

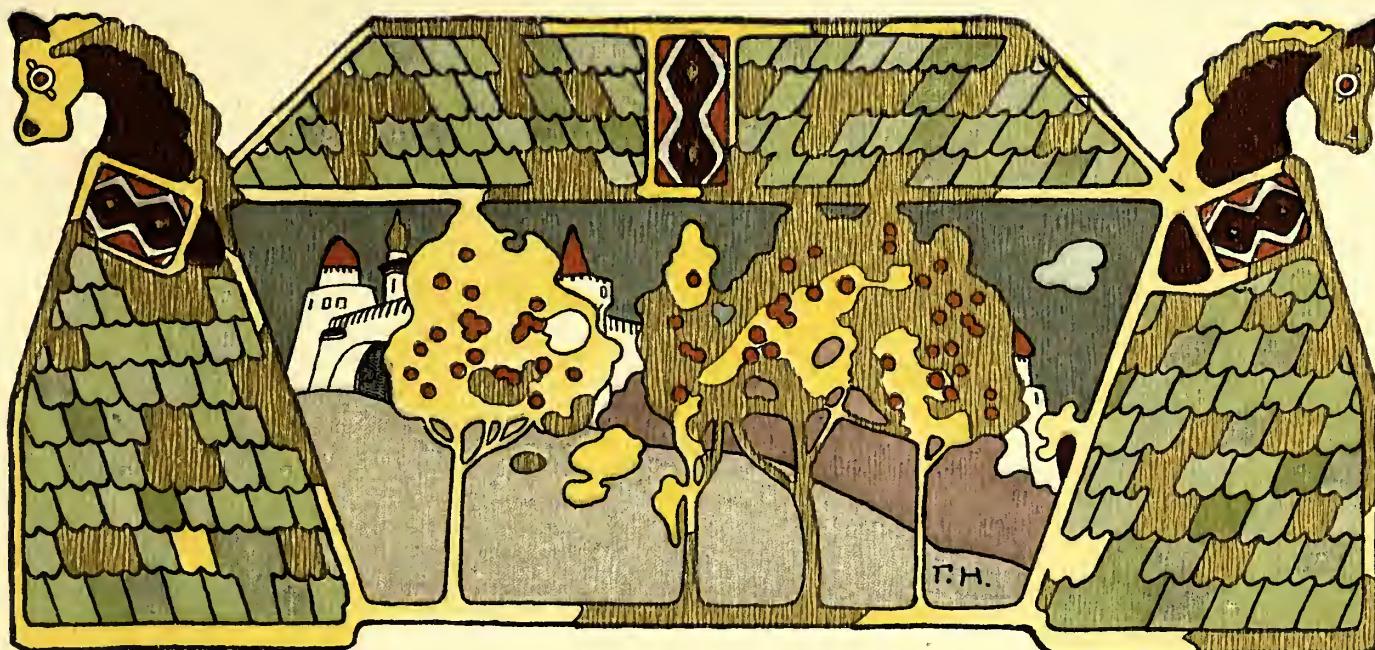
Рисунки
Георгия
Науменко

Издание
«Русская
Речь»

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/skazkaobivaniets00unse_2

Горшна

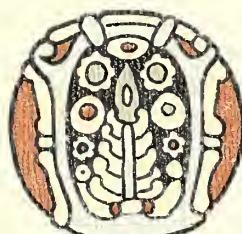
оршения ёдетъ - дремлетъ съ горшками. Догналъ его Осударь Иванъ Васильевичъ. „Миръ по дорогѣ!“. Горшения оглянулся.—Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. „Знать вздремалъ?“—Вздремалъ, Великій Осударь! не бойся того, кто пѣсни

поеть, а бойся того, кто дремлетъ.— „Экой ты смѣлый, горшения! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшеношка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?“—Съ измолоду, да вотъ и середовый сталъ. „Кормишь дѣтей?“—Кормлю, Ваше Царское величество! и не пашу, и не жну, и морозомъ не бьеть. „Хорошо, горшения,

но все-таки на свѣтѣ не безъ худа“.— Да, Ваше Царское величество! на свѣтѣ есть три худа. „А какія три худа, горшеношка?“—Первое худо: худой со-сѣдъ, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. „А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?“—Отъ худова сосѣда уйду; отъ худой жены тоже можно, какъ будеть съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь— все съ тобой. „Такъ вѣрно, горшена! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня— а я для тебя. Прилетять Гуси съ Руси перышки ошиплешь, а по правильному покинешь!“— Годится, такъ покину— какъ придетъ! а то и на-голо. „Ну, горшена, постой на чась! я погляжу твою посуду“.

оршена остановился, началь раскладывать товаръ. Осударь сталь глядѣть и показаль ему три тарелочки глиняны. „Ты надѣлаешь мнѣ еда-кихъ?“—Сколько угодно Вашему Цар-скому величеству? „Возовъ десятокъ надо“.— На много ли дашь время? „Мѣсяцъ“.—Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. „Спасибо, горшеношка!“— А ты, Осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ го-родъ? „Буду въ дому у купца въ го-стяхъ“.

сударь пріѣхалъ въ го-родъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревян-ной, а была бы вся глиняная. Горшена кончилъ заказъ царской и привезъ то-варъ въ городъ. Одинъ бояринъ вы-ѣхалъ на торжище къ горшено и го-ворить ему: „Богъ за товаромъ, гор-

шена!“— Просимъ покорно. „Продай мнѣ весь товаръ.“—Нельзя, по заказу. „А што тебѣ, ты бери деньги—не по-винять изъ этого, коли не взяль за-датку подъ работу. Ну, што возьмешь?“— А вотъ што: каждую посудину насы-пать полну денегъ. „Полно, горшеношка, много!“ Ну, хорошо, одну на-сыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили. Ты для мёня, а я для тебя.— Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, сѣѣздили домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ—товару все мно-го. „Какъ быть, горшеношка?“—Ну што ни ждала? Нечево дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги. Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—сладили.

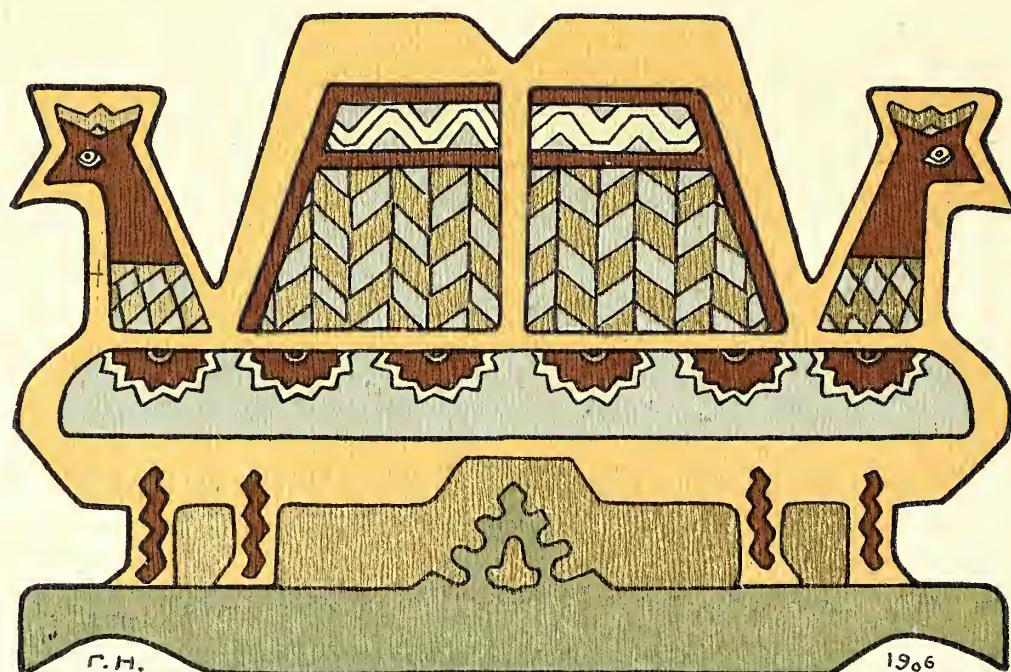
ыпрягли лошадь — сѣль му-жикъ, повезъ бояринъ; и въ спорѣ дѣло. Горшена запѣль пѣсню, бояринъ ве-зеть, да везетъ. „До коихъ же мѣстъ везти тебя? — Вотъ до этого двора и до этого дома. Весело поѣтъ горшена, противъ дома онъ высоко подняль. Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльце — призналь Горшено. „Ба! здравствуй, горшеношка, съ пріѣздомъ!“ — Бла-годарю, Ваше Царское величество. „Да на чемъ ты єдешь?“—На худомъ-то разумѣ, Осударь. „Ну мозголовъ, горшена, умѣль товаръ продать; бо-яринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшена, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшена, надѣвай его строевую одежду. Умѣль товаръ продать! не-много послужилъ да много услужилъ— а ты не умѣль владѣть боярствомъ. Ну,

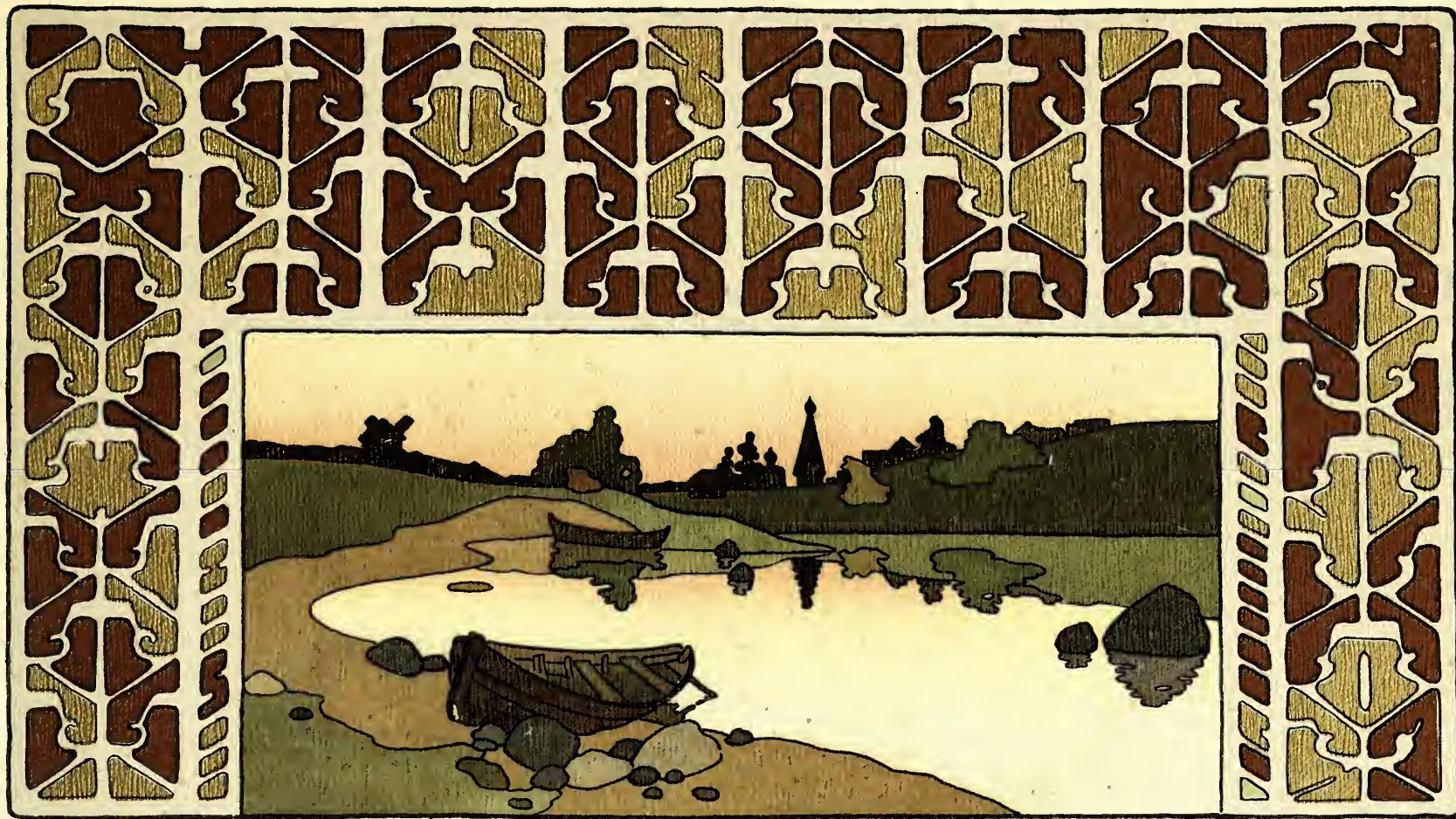

Г. НАРКУТЦ. 1906.

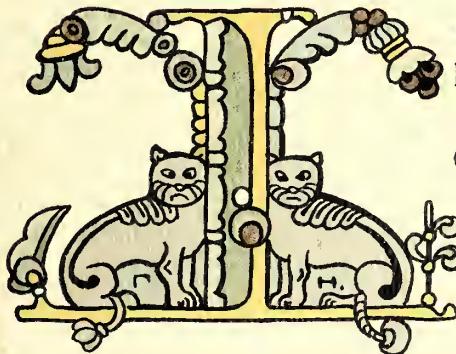
горшени, прилетали гуси съ Руси? —
Прилетали. „Перышки ошипалъ, а по

правильному покинулъ?“ — Нѣть, на-
голо, Великій Осударь, — всего ошипалъ.

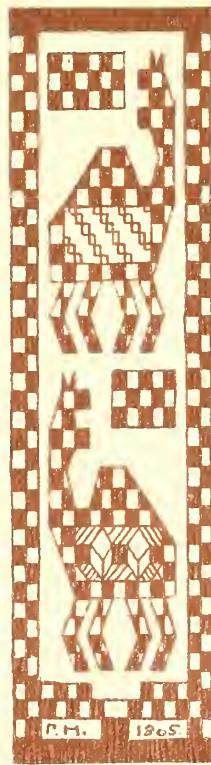

СНЬГУРОЧКА.

или-были ста-
рикъ со ста-
рухой, да не
было у нихъ
дѣтей. Силь-
но они о
томъ сокру-
шались, и
только глядя на чужихъ дѣтей утѣша-
лись. А дѣлать нечего. Вотъ когда при-
шла зима, да пало молодого снѣгу въ
колоно,—ребятишки повыбѣжали на
улицу, а старики подсѣли къ окошечку
поглазѣть хоть на чужихъ дѣтей.

Ребятишки бѣгали, забавлялись и
стали лѣпить бабу изъ снѣгу. Стар-
икъ усмѣхнулся и сказалъ: „Пойти-бы

и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!“
На старуху, видно, тоже нашла веселая
минута.—Что жъ, пойдемъ разгуляемся
на старости! Только на что тебѣ бабу
лѣпить: будетъ съ тебя и меня одной.
Слѣпимъ лучше себѣ изъ снѣгу дитя,
коли не даль живого Богъ. — „И то
правда“... сказалъ старикъ, и они по-
шли во дворъ. Тамъ они и вправду
стали лѣпить изъ снѣга куклу.

клали туловище,
прилѣпили руки,
ноги и голову. „Богъ
въ помошь“ — сказ-
азалъ проходившій
мимо по улицѣ
странникъ.—Спасибо, благодарствуемъ!

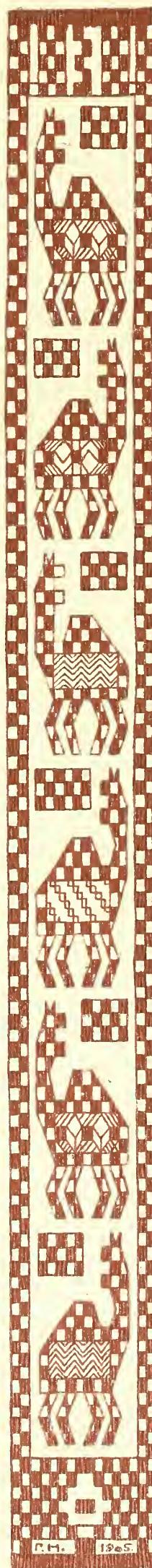
отвѣтилъ старикъ. „Божья помощь ко всему хороша“—прибавила старуха. Они вылѣпили носикъ, сдѣлали ямочки вмѣсто глазъ. И не успѣлъ старикъ отнять руки отъ ямочки для рта, какъ изъ нея пахнуло тепломъ, а въ двухъ другихъ ямочкахъ появились глаза. „Господи, да это, никакъ, навожденіе какое!“ сказалъ старикъ, перекрестившись.

— Да это намъ Богъ даеть дитя—закричала его жена, съ радостью схватила Снѣгурочку и побѣжала съ ней въ избу.

И вотъ Снѣгурочка растетъ не по днямъ, а по часамъ, и что ни день, то все лучше, краше. Старички не нарадаються ею. Снѣгурочка такая сдѣлалась смышленая: все примѣчаетъ, все перенимаетъ и стала она въ зиму точно дѣвица лѣтъ шестнадцати. И такая добрая, послушная, ко всѣмъ привѣтливая. А собою она бѣлѣхонькая, словно снѣгъ; глаза какъ незабудочки; руса коса ниже пояса. И всѣ любуются Снѣгурочкою, а старуха души въ ней не чаетъ.

И рошла зима. Засіяло радостно на небѣ свѣтло-солнышко, пригрѣло землю. По проталинамъ заселенѣла травушка - муравушка; по поднебесью начали щебетать Божьи птицы-пташечки. Ужъ и красны-дѣвицы собиралися въ хороводы подъ селомъ.

А Снѣгурочка что-то скучна стала. „Что съ тобой, мое дитятко?“ говорила ей старуха, приголубливая. „Не больна ли ты? ты все скучна-невѣсела. Ужъ не сглазилъ ли тебя недобрый человѣкъ?“

А Снѣгурочка на такія рѣчи всякой разъ отвѣчала:—Ничего, бабушка, ничего, родимая, я здорова!

Вотъ уже и послѣдній снѣгъ согнала весна. Зацвѣли сады и зазеленѣли луга; все на Руси стало живѣй, веселѣй.

А Снѣгурочка все хилѣть, сердечная, еще сильнѣй скучаетъ, сторонится подружекъ и все прячется подъ тѣнь отъ красна-солнышка весеннаго. Ей и любо только было плескаться у ручья со студеной водой подъ бѣлою берёзонькой. Ей бы все тѣнь да холодокъ, а и того лучше частый дождичекъ. Тогда она веселѣй бывала. А какъ одинъ разъ понадвинулась сѣрая туча да разсыпалась крупнымъ градомъ, Снѣгурочка ему такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце и градъ взялся водою, она всплакала по немъ такъ, какъ родная сестра плачетъ по братѣ.

И риспѣль и Ивановъ день. Красны дѣвицы собрались итти на гулянье подъ берёзоньки и зашли за Снѣгурочкой. И пристали къ старухѣ: „Пусти, да и пусти съ нами Снѣгурочку!“ Старухѣ страхъ какъ не хотѣлось пускать съ ними внучки, да и Снѣгурочка не въ охотѣ была съ ними итти, но не могли отговориться. Къ тому же старуха подумала: авось разгуляется Снѣгурка. И она принарядила ее, поцѣловала и сказала: „Поди же, повеселись съ подружками! а вы, дѣвки, поберегите мою Снѣгурочку... вѣдь она у меня, сами знаете, что порохъ въ глазу!“

— Хорошо, хорошо! — закричали онѣ. Весело подхватили Снѣгурочку и побѣжали гурьбой за околицу, въ рощу. Тамъ онѣ вили вѣнки изъ цвѣтовъ,

Г.Н.
1906.

пѣли, а когда закатилося красно-солнышко за лѣса, за горы высокія, наложили костеръ изъ соломы, запалили его, и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурочку поставили позади всѣхъ.

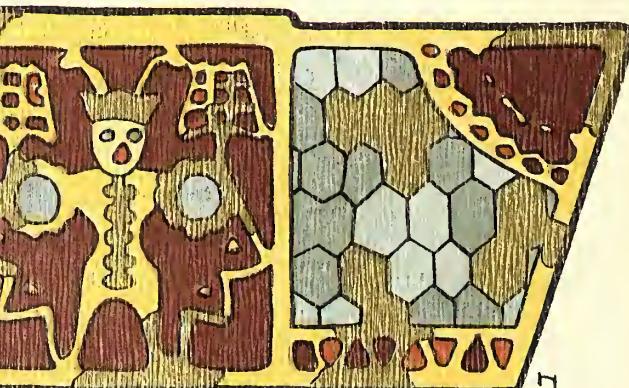
„Смотри же“—сказали онѣ: „какъ мы побѣжимъ, такъ и ты поспѣшай за нами и не отставай!“—И вотъ всѣ, какъ одна, затянувши Купалову пѣсню поскакали черезъ огонь.

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и жалобно застонало—ау, ау!

Испугались онѣ, оглянулись: нѣтъ никого.

Смотрѣть другъ на дружку и не видять между собою Снѣгурочки.—„А, вѣрно, она спряталась!“ и разбѣжались искать ее и нигдѣ не могли найти. Кликали, аукали—не отзывалась; порѣшили онѣ, что ушла Снѣгурочка въ село. Но и въ селѣ ея не было. Искали ее и на другой, и на третій день. Снѣгурочки не было и слѣдъ ея пропалъ.

Долго старики со старухою плакали по своей Снѣгурочкѣ; долго еще каждый день старуха ходила на то мѣсто подъ берѣзки искать ее: и все кликала она, словно кукушка бездольная:

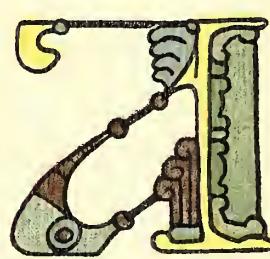
„Ау, ау! Снѣгурочка!
Ау, ау! голубушка!
У дѣдушки, у бабушки
Была внучка Снѣгурочка;
Ее дѣвки въ лѣсъ заманули,
Заманувши—покинули.

Ау, ау! Снѣгурочка!
Ау, ау! голубушка!“

И слышалось ей будто голосомъ Снѣгурочки отзывалось: Ау, бабушка, ау!

Снѣгурки же нѣтъ, какъ нѣтъ. Лютый ли звѣрь уташилъ ее въ дремучій сыръ-боръ, али хищная птица унесла ее на сине-море?

Нѣтъ, не лютый звѣрь унесъ ее въ дремучій боръ, и не хищная птица унесла къ синему морю, а когда Снѣгурочка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь,—потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко...и полетѣла въ высоту, высоту поднебесную.

старикъ со старухою на слѣдующую зиму захотѣли слѣпить изъ снѣгу другую Снѣгурочку, да снѣгъ и остался снѣгомъ и они какъ были безъ дѣтей, такъ и остались. Такъ ужъ, видно, имъ Господь судилъ.

Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

SPEC
FOLI

THE

цена 75 коп.